

ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Основное внимание в работе уделяется проблеме качества вносимых в Уголовный кодекс РФ изменений и дополнений, которые оцениваются автором с позиции эффективности их применения в ходе противодействия преступности. В представленной статье дается критический анализ деятельности законодателя по совершенствованию уголовно-правовых норм в последнее десятилетие. Обосновываются варианты оптимизации правотворческой деятельности по внесению изменений и дополнений в отечественное уголовное законодательство. Предлагаются конкретные критерии деятельности законодателя по качественной переработке текста уголовного закона и практической реализации его предписаний. Основное внимание уделяется проблеме сочетания правотворческого и правоприменительного аспектов и необходимости баланса между ними в процессе оперативного вмешательства в сферу уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: юриспруденция, изменения, дополнения, оптимизация, уголовный закон, эффективность, оперативное вмешательство, совершенствование, основополагающая идея, правосознание.

С момента принятия уголовного закона и до его замены на другой нормативный акт он может претерпевать многочисленные изменения. По большому счету, именно их своевременность наряду с необходимым качеством (соответствием объективной действительности) и способны повышать эффективность законодательных положений. Оба критерия являются обязательными для обеспечения высокого качества уголовно-правового регулирования, оказывая решающее влияние на конкретные средства воздействия. Собственно и формирование всего комплекса таких средств, а также их последующая корректировка, происходят как раз в процессе законотворческой деятельности. Оперативность, таким образом, предполагает своевременность действий законодателя, то есть умение достаточно быстро реагировать на происходящие в обществе изменения и их адекватность уже сложившимся на определенный момент потребностям. Оба критерия, раскрывающие содержание оперативности, обязательны. Отсутствие хотя бы одного из них исключает либо существенно снижает качество превенции, делая уголовный закон беспомощным в противодействии преступности.

Однако, как показывает анализ изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ за последнее десятилетие, деятельность законодателя носит в большей мере эпизодичный, нежели комплексный или системный характер, в основном следуя в направлениях, не подчиненных единому началу. Как правило, новые положения уголовного закона направлены на борьбу с отдельно взятыми явлениями (причем не всегда социально обусловленными), слабо согласуясь с теми нормами Кодекса, которые к тому времени уже давно существуют и успешно применяются. Они не являются единым целым, комплексом мер, обеспечивающим противодействие преступности как социальному феномену, а не его отдельно взятым проявлениям. Разрозненность изменений и дополнений между собой является основной причиной их неэффективности в условиях реальной действительности. На фоне высочайшей динамики принятия новых положений эта проблема усугубляется многократно и находит соответствующее проявление в растущем непонимании среди членов общества. Вполне естественно, что говорить в таких условиях об уголовно-правовой идеологии, уголовно-правовой политике и целях уголовного законода-

© Бавсун Максим Викторович

* Кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России [kafedramvd@mail.ru]

644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

тельства не приходится, что в данном случае является даже не следствием, а причиной происходящих процессов.

«В нашей стране, — как отмечает В.В. Лунеев, — за динамикой изменений и дополнений уголовного и уголовно-процессуального законодательства не успевают следить даже профессиональные юристы, а ведь законы пишутся для всех граждан страны»¹. Выбирая те или иные средства, законодатель видит лишь ближайший результат их появления в уголовном законе, при этом оставляя без оценки криминогенную обстановку в стране, тенденции развития преступности, ее динамику, новые формы преступной деятельности и организации. Используемые в таких условиях средства просто не могут соответствовать тем целям, которые должны определять содержание мер борьбы с преступностью. В связи с этим складывается ситуация, когда отсутствие ярко выраженной идеи, объединяющей между собой все нововведения, вносимые в сферу уголовно-правового регулирования, а также четко сформулированных целей противодействия преступной деятельности влечет за собой неверно выбираемые средства и, как следствие этого, невозможность достижения должного результата. Следовательно, вносимые при этом в Уголовный кодекс РФ изменения и дополнения, если и решают, то лишь частные задачи, не соответствуя критериям системного подхода к противодействию преступности. Они не объединены одной идеей, в них нет цели, достижение которой позволило бы обеспечить требуемый результат. Отсутствие идеи исключает вообще какой-либо результат, кроме сиюминутного, ближайшего, что не позволяет сформировать единую и, что самое главное, сбалансированную систему уголовно-правового воздействия.

Примеров того, когда появляющиеся новеллы не способствуют повышению эффективности реализации положений уголовного закона, в связи с несвоевременностью изменений и их не соответствием объективным потребностям современного общества, существует немало. Крайне сложно с позиции повышения эффективности борьбы с преступностью оценивать, например, изменения, касающиеся минимального размера хищения, с одной тысячи до ста рублей в 2007 г. и обратные — в 2008 г. Неужели в столь стремительных обратных изменениях одного и того же положения Кодекса были действительно объективные потребности, и именно посредством таких действий законодателя обеспечивалось повы-

шение эффективности противодействия хищениям? Весьма сомнительно.

Кодекс «совершенствуется» хаотично, бессистемно, вызывая у специалистов лишь чувство недоумения и разочарования в связи с включением в его содержание того или иного положения. Еще одной иллюстрацией такой непоследовательности могут послужить изменения редакции ст. 264 УК РФ, которая уже в 2009 г. была дополнена таким квалифицирующим признаком, как состояние алкогольного опьянения. Безусловно само по себе отнесение состояния алкогольного опьянения к числу отягчающих обстоятельств следует расценивать как положительный момент, по крайней мере криминологически это вполне обосновано. В то же время криминологически обосновано усиление ответственности и за насильственные преступления против личности, которые также в абсолютном своем большинстве совершаются в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

И не только они. Специальной по отношению к ст. 264 УК РФ является норма, в которой устанавливается ответственность за нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ). Однако вновь принятые изменения не коснулись данного положения уголовного закона, несмотря на всю очевидность необходимости внесения дополнений в данную норму по аналогии со ст. 264 УК РФ. Как, впрочем, актуальной данная проблема является и для случаев управления воздушным транспортом в состоянии алкогольного опьянения. Количество погибших при авиакатастрофах несоизмеримо больше, нежели в обычном дорожно-транспортном происшествии. Почему тогда изменения касаются лишь отдельно взятого состава, а в остальных случаях указанное состояние лица продолжает оставаться без учета? Также остается непонятным, почему при этом не было внесено каких-либо изменений в ст. 22 УК РФ, а также ст. 63 УК РФ. Между тем соответствующая корректировка данных норм как базовых (наиболее общих) для всех остальных должна происходить в первую очередь. В чем тогда привилегированность ст. 264 УК России? Это всего лишь отдельно взятое преступление, которое действительно часто совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В то же время говорить о его исключительности было бы явным преувеличением. Ущерб от других посягательств, в том числе и перечисленных выше, ничуть не меньший, а зачастую и многократно превышающий последствия, указанные в ст. 264 УК России. По крайней мере можно с уверенностью утверждать, что принятые изменения в данном конкретном случае не носят

¹ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. 1. М., 2012. С. 887.

системного характера. Они не соответствуют идее противодействия «пьяной» преступности, пытаясь решить отдельно взятую, хотя и очень серьезную проблему.

Примерно то же самое произошло и с сопряженностью преступлений. Внесенными 30 декабря 2008 г. изменениями в ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ были закреплены особо отягчающие обстоятельства, усиливающие наказание за соответствующие деяния, если они «повлекли умышленное причинение смерти человеку». Таким образом, из п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ был исключен признак сопряженности убийства с захватом заложника. Теперь в законодательной конструкции ч. 4 ст. 206 УК РФ содержится указание на причинение смерти, что совершенно не типично для ныне действующего уголовного закона. В свою очередь, неясно, почему это произошло лишь с захватом заложника, а остальные посягательства (разбой, вымогательство, бандитизм, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и похищение человека) так и остались в рамках квалифицированного убийства.

Как при этом быть правоприменителю с теми вопросами, которые возникают в связи с появлением новых конструкций и лежат на поверхности? Во-первых, требуется ли в случае, например, захвата заложника и убийства дополнительная квалификация по ст. 105 УК России? Во-вторых, что делать в случае причинения смерти нескольким лицам в результате того же захвата заложника? Ведь в конструкции статьи четко указано: «причинение смерти человеку», в единственном числе. В-третьих, как быть, если в результате указанных действий причиняется лишь тяжкий вред здоровью, и почему в редакции ст. 205, 206 УК России о нем ничего не говорится? Как практикам оценивать данные последствия — по признакам совокупности или единичного сложного преступления?

В данном случае произошедшие изменения, с одной стороны, направлены на ужесточение ответственности за указанные деяния, а с другой — принятые меры носят спонтанный и явно непродуманный характер. Почему, например, расширение сопряженности произошло именно за счет террористического акта, а не другого посягательства? В таком случае необходимо было бы вести речь и о разбое, сопряженном с убийством; вымогательстве, повлекшем смерть человека; похищении человека и т.д., однако этого сделано не было.

С позиции последовательности произошедшие в Кодексе изменения не выдерживают никакой критики и лишь усугубляют и без того немалые проблемы отечественной практики применения норм, содержащих указание на

сопряженность нескольких общественно опасных деяний. Наличие даже части таких проблем, возникающих на основе бессистемных и непоследовательных действий законодателя, делает отечественную практику региональной и даже районной, не позволяя выделить единых подходов к применению уголовного закона в силу его противоречивости. К сожалению, это далеко не полный перечень тех вопросов, которые появляются в результате лишь одного-единственного изменения Уголовного кодекса, а их в течение года вносятся десятки, если не сотни. Возникающие в связи с этим проблемы не могут не сказываться на итоговых результатах противодействия преступности. В условиях применения некачественных средств мы неизбежно будем получать такой же некачественный результат².

Полагаю, что ситуация, сложившаяся в части формирования уголовного законодательства, во многом обусловлена отсутствием комплексного анализа криминогенной ситуации в государстве и постановки на этой основе целей уголовно-правового воздействия. Между тем эффективность любой деятельности, в том числе и деятельности по изменению уголовного законодательства, во многом зависит от наличия объективных, соответствующих условиям реальной действительности целей. В настоящий момент, с учетом динамики происходящих в обществе изменений и всей нестабильности процессов, совершенно необходимо четкое формулирование и последующая постановка целей, а также выбор соответствующих им средств уголовно-правового воздействия на преступность. Только в этом случае возможно достижение эффективных результатов противодействия данному явлению.

При этом сама децентрализация происходит в первую очередь на законодательном уровне, когда принимаемые решения противоречат друг другу, выходят за рамки уже устоявшихся уголовно-правовых институтов или просто не соответствуют реально существующим потребностям современного общества. Законодатель вместо последовательных и действительно системных мер, направленных на жесткое подавление преступности, выбирает явно алогичные, зачастую крайне либеральные, не способствующие достижению эффективного результата средства. Количество принимаемых при этом изменений по-прежнему

² См. об этом более подробно: Рагог А.И. Некоторые аспекты эффективности уголовно-правовых норм / Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. научн. тр. Саратов: Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2008. С. 83.

не перерастает в их качество. Об этом свидетельствуют приведенные (далеко не единственные) выше примеры уже введенных в действие новелл.

Все это приводит к обратному эффекту, а именно — снижению уровня карательного воздействия на преступность. «Слабый» закон, состоящий из многочисленных противоречий и пробелов, слабость которого лишь усугубляется вносимыми в него изменениями и дополнениями, не создает впечатления того, что риск совершения преступления превышает возможную выгоду. Функция устрашения, всегда присущая уголовному законодательству, в такой ситуации перестает существовать как таковая. Между тем ее наличие обязательно, в каком бы демократическом обществе мы не жили. Безусловно «поведение людей в обществе невозможно регулировать только посредством принципа целесообразности... Однако полностью отрицать устрашающую, сдерживающую роль уголовного наказания (как и в целом всего комплекса уголовно-правового воздействия), эффективность его предупредительного воздействия было бы неправильно»³ (вставка моя. — М.Б.).

В сложившейся ситуации, по-видимому, требуется упорядочивание процесса качественного преобразования Уголовного кодекса, его оптимизация, которая должна реализовываться в первую очередь через выделение центральной, генеральной идеи, а также постановку целей и выбор соответствующих этим целям средств уголовно-правового воздействия. В переводе с латинского оптимизация означает «наилучшее»⁴, «процесс приведения системы в наилучшее состояние»⁵. Именно на это и должны быть направлены вносимые в уголовное законодательство изменения и дополнения. Сам Кодекс как единая и стройная система должен иметь максимально оптимальное содержание, что обеспечивается, в том числе, за счет изменения средств уголовно-правового воздействия, приведения их в соответствие с условиями объективной реальности. Только в этом случае можно добиться по-настоящему положительных результатов в ходе противодействия преступности. Однако количество и качество вносимых в Уголовный кодекс изменений свидетельствуют об обратном, и указывают на их неспособность

оптимизировать уголовно-правовое воздействие на преступность. Во многом это связано с отсутствием четкой определенности, какие ценности и интересы современного общества требуют уголовно-правовой охраны в первую очередь, что имеет большое значение для повышения эффективности уголовно-правового воздействия, которое напрямую зависит от данной составляющей. Как, впрочем, от этого же зависит и выбор конкретных средств противодействия преступности. Соответственно должно происходить формирование законодательного материала в качестве одного из основных средств, необходимых для эффективных результатов уголовно-правового воздействия.

Правоприменитель, оказываясь заложником нестабильного законодательства, становится все больше подвержен субъективному критерию в своей деятельности. При отсутствии должной нормативной базы, отвечающей необходимым требованиям, ему не остается ничего иного как принимать решения, исходя из своего собственного представления о той или иной ситуации, своего уровня развития, региональных, национальных и иных особенностей, в которых ему приходится работать. В этой связи необходимо говорить об обратном процессе, процессе, производном от законотворчества, когда непоследовательность предпринимаемых мер на законодательном уровне влечет за собой аналогичное состояние и на уровне правоприменительном. Применение закона в этой связи уже давно перестало носить стандартный (типовой) характер вне зависимости от региона и, даже, района реализации его положений, не позволяя в итоге сформировать единую судебно-следственную практику. Причем это в равной степени касается как вопросов квалификации преступных посягательств (на что уже обращалось внимание выше), так и назначения наказания за их совершение.

Нестабильность практики применения уголовного закона постепенно становится основной характерной чертой современной правоприменительной деятельности, и предпосылок к ее упорядочению пока нет. Во многом возникновение такого ее состояния обусловлено не только непоследовательностью вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования, но и его полной неадекватностью реальной действительности, криминальной обстановке и тенденциям развития преступности в современном обществе. Все это оказывает самое непосредственное влияние на дестабилизацию правоприменительной деятельности и дальнейший подрыв авторитета уголовного закона. Оперативное вме-

³ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 35.

⁴ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. С. 450.

⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 929.

шательство в такой ситуации, за счет своей своевременности и адекватности основным тенденциям развития преступности, должно способствовать усилению позиций уголовного законодательства в общественном сознании в позитивном направлении. Причем это в равной степени касается как общественного сознания, так и правоприменительной деятельности, требующей сегодня уменьшения субъективного критерия и, наоборот, повышение объективного, не зависящего от субъекта применения закона начала. Только в этом случае можно объяснить необходимость такого вмешательства, его способность к повышению эффективности противодействия преступности. В то же время несвоевременность (преждевременный или запоздалый характер) вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования, отсутствие во вносимых изменениях криминологического обоснования, что указывает на их несоответствие объективной реальности, влекут за собой обратные процессы, в основном негативного, дестабилизирующего свойства.

Одним из ярких примеров подобного вторжения в уголовно-правовую сферу является Федеральный закон, согласно которому у судов появилось право на изменение категории преступления при назначении наказания⁶. Усмотрение суда сегодня, как при квалификации содеянного, так и при назначении наказания, поистине безгранично. В такой ситуации требуются срочные меры по ограничению полномочий судов, что будет действительно адекватной реакцией на складывающуюся негативную тенденцию. Однако именно в этот период законодатель принимает беспрецедентные по своему характеру меры по еще большему расширению уже имеющих пределов судебного усмотрения за счет включения в ст. 15 УК РФ части шестой, как раз позволяющей применять закон еще более самостоятельно.

Дело в том, что и без данной нормы у правоприменителя в лице судьи всегда имелось достаточно оснований для вполне законного, хотя и не всегда целесообразного, снижения законодательных пределов уголовного наказания. Отсюда закономерным выглядит вопрос относительно необходимости еще большего их расширения. Особенно этот вопрос актуален в условиях практически полного отсутствия каких-либо критериев применения нового положения уголовного закона, в связи

с чем деятельность суда становится практически неподконтрольной.

Интересным в этом отношении выглядит анализ практики назначения наказания по определенным категориям дел в период до указанного нововведения, то есть, до 2012 г. Данные, полученные в ходе исследования данных о применении уголовного закона, показывают, что усмотрение суда в процессе применения его положений всегда было необоснованно широким, позволяющим крайне неоднозначно оценивать одинаковые по своей сути ситуации. И тем не менее динамика законодательного вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования в основном была направлена на еще большее расширение полномочий правоприменителя. Авторитет уголовного закона и, как следствие эффективность его положений, в таких условиях не могли повышаться, скорее наоборот, негативные процессы с каждой последующей трансформацией все больше усугублялись.

Как показывает проведенное исследование, принимаемые судами решения относительно размера назначаемого наказания, зачастую существенно отличаются от размеров, устанавливаемых законодателем за совершение этих же преступлений. Особый интерес в этом отношении представляют данные, полученные в ходе изучения практики назначения наказания по ст. 290 УК РФ «Получение взятки». Взятка является преступлением, которое традиционно в российском уголовном законодательстве относилось к категории тяжких и особо тяжких. Об этом свидетельствуют и размеры наказания, установленные в санкциях ст. 290 УК. Однако, как показал анализ 120 приговоров, вынесенных судами Омской и Томской областей (период с 2002 по 2008 гг.), за совершение данного преступления размеры назначаемых наказаний значительно ниже, предусмотренных в самом Уголовном кодексе.

Так, средний коэффициент назначаемого наказания по ч. 4 ст. 290 УК РФ составил 4,3 года, при официально закрепленном размере от 7 до 12 лет лишения свободы. Примерно та же картина наблюдается и с назначением наказания по другим частям статьи. Например, по ч. 3 средний показатель составляет 3,8 года при законодательно закрепленном размере от 5 до 10 лет лишения свободы. В то же время по ч. 2 ст. 290 назначаемое наказание хотя и незначительно, но тем не менее строже наказания, назначаемого по ч. 3, и составляет 3,9 года. При этом официально закрепленный в санкции статьи размер наказания находится в пределах от 3 до 7 лет лишения свободы.

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7.12.2011 г. №420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Во всех изученных приговорах назначаемое наказание обязательно ниже размера наказания, установленного законодателем. В связи с этим необходимо ставить вопрос либо о смягчении ответственности за данный вид преступления на законодательном уровне, либо об ограничении правоприменительной деятельности в части назначения наказания более жесткими рамками. Однако первый вариант решения проблемы изначально представляется малоэффективным. Где гарантия того, что в случае, если законодатель пойдет «на поводу» у правоприменителя, установив, например, размер наказания по ч. 4 ст. 290 от 2 до 4 лет лишения свободы, то последний не станет назначать еще более мягкое наказание. На наш взгляд, основная причина сложившегося несоответствия между законодательными предписаниями и судебной практикой кроется не в содержании статьи, предусматривающей ответственность за взятку. Сформулированные в УК РФ пределы наказаний имеют большую разбросанность, и определяемый размер наказания, например, от 7 до 12 лет лишения свободы, оставляет правоприменителю значительные рамки усмотрения. Помимо этого, у правоприменителя имеются неограниченные возможности по смягчению установленного законодателем наказания, которое зачастую фактически снижается на две-три категории. Последнее является недопустимым, на что ранее уже обращалось внимание в юридической литературе⁷. Именно это и лежит в основе сложившегося противоречия. Какие бы размеры наказания не были установлены в Уголовном кодексе, судьи всегда могут принимать решения в части назначения наказания, которые, по их мнению, необходимы в каждом конкретном случае. Вполне естественно, что произошедшее на этом фоне официальное закрепление возможности снижения категории совершенного преступления за правоприменителем, усугубляющееся исключением из 68 составов преступлений нижнего порога наказания в виде лишения свободы, лишь усилило и без того доминировавший субъективный фактор в применении уголовного закона⁸.

⁷ Так, О.А. Михаль в своем диссертационном исследовании указывает на недопустимость неограниченного снижения наказания ниже низшего предела и делает вывод о том, что суду «законодательно должно быть запрещено снижение низшего предела санкции более чем на одну категорию». См.: Его же. Классификация преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. С. 6.

⁸ См.: Федеральный закон от 7 марта 2011 г. №26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Интересно, что из 120 приговоров, которые были изучены в ходе данного исследования, только в 34 правоприменитель обошелся без применения ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление». Во всех остальных случаях ст. 64 применялась, и на ее основе назначалось более мягкое наказание. В 24 случаях правоприменитель одновременно использовал ст. 64 и ст. 73 УК РФ «Условное осуждение», назначая наказание условно ниже низшего предела. Несмотря на то, что ч. 4 ст. 290 УК относится к категории особо тяжких преступлений, условное осуждение за его совершение применяется более чем в 45% случаев.

Эти же процессы были отмечены и в период действия УК РСФСР 1960 г. Так, по ч. 2 ст. 173 УК РСФСР (ч. 4 ст. 290 УК РФ) в 1993 г. 75,0% осужденных к лишению свободы было назначено наказание ниже низшего предела, в 1994 г. — 100%, такой же показатель и по ч. 3 ст. 173. В 1995 и 1996 гг. по ч. 2 ст. 173 соответственно 66,7% и 100% осужденным было назначено более мягкое наказание, в 1997 г. по ч. 4 ст. 290 этот показатель также составил 100%⁹.

Потребность оперативного вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования в ситуации подобного рода безусловно крайне высока. Адекватность вмешательства складывающимся тенденциям развития преступности и все растущему неверию в уголовный закон, что не в последнюю очередь объясняется именно такой практикой его применения, не вызывает сомнений. При этом своевременность изменений уже давно прошла, и исправление ситуации в сторону повышения ее объективности с каждым годом будет лишь увеличиваться по времени и степени прилагаемых государством усилий. Крайне важным является то, какой именно будет официальная реакция на происходящие в обществе процессы, связанные с его дальнейшей криминализацией. От этого зависит не только содержание системы средств противодействия преступности (это лишь ближайший результат деятельности законодателя), но и состояние общественного сознания, его оценка уголовного закона как основного и авторитетного акта государственного волеизъявления, либо наоборот, отношение к нему как к слабому, не способному обеспечить необходимый результат нормативному акту.

⁹ См.: Шнитенков А.В. Отягчающие обстоятельства в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 150.

Именно такое отношение является доминирующим в современном обществе. Итогом вносимых изменений и дополнений в действующий УК России в последнее десятилетие является даже не само несовершенство всего комплекса уголовно-правового воздействия, а сформировавшееся в результате этого крайне негативное представление о большинстве его положений. В частности, неверие в справедливость наказания и иных мер уголовно-правового характера, законность целого ряда его положений, способность конкретных средств принуждения обеспечивать его должный уровень для повышения эффективности противодействия преступности и др. Все это причиной нестабильности уголовного закона, поддерживаемая высокой динамикой вносимых в него изменений и дополнений. Все это усугубляется крайне неоднородной практикой его применения, доминированием прецедента и усмотрения, подменяющих начала законности, производные от этого злоупотребления и выгоды сугубо частного (личного) характера, не имеющие прямого отношения к соблюдению принципов отправления правосудия.

В этой связи особую значимость представляет собой исследование эффективности принимаемых изменений. То есть важен анализ не только причин их появления, но и конкретных результатов последующей реализации новых положений. Подобное возможно за счет использования математического метода, позволяющего определить степень необходимости каждого нового положения. Рассуждая в целом относительно эффективности социально-правового контроля над преступностью, В.В. Лунеев отмечает, что под таковым следует понимать отношение фактически достигнутого результата в борьбе с преступностью к той цели, которая ставилась при принятии законодательства криминального цикла. Это отношение можно выразить в виде математической модели: $A=B/C$, где A — эффективность, B — достигнутый социальный результат, C — социально-криминологическая модель, для достижения которой была принята та или иная норма. Соответственно, если $A=1$ или чуть меньше единицы, то эффективность находится на вполне приемлемом уровне¹⁰. Подобного плана модель, с необходимыми корректировками, вполне применима и для оценки эффективности вносимых в УК РФ нововведений. При этом составляющими элементами такой модели будут: A — эффек-

тивность принятых мер; B — сами изменения и дополнения (оперативное вмешательство) и их динамика; C_1 — адекватность принимаемых мер потребностям противодействия преступности; C_2 — доступность вносимых изменений общественному сознанию; C_3 — своевременность вновь принимаемых положений; D — соответствие включаемых в УК РФ средств уголовно-правового воздействия основополагающей идее; E — социально-необходимый результат (цель). Их соотношение можно выразить в виде следующей математической модели:

$$A=B*(C_1+C_2+C_3)+D/E.$$

Сочетание всех элементов представленной модели является обязательным *условием целесообразности* принимаемого изменения, его способности оказывать необходимый эффект в конкретных условиях. И, несмотря на то, что вычленив точную долю вклада каждого нового положения УК РФ крайне сложно¹¹, тем не менее такие попытки необходимы, а самое главное, вполне реальны в процессе правотворческой деятельности¹². Только в этом случае оперативное вмешательство, во-первых, будет соответствовать объективным потребностям противодействия преступности, а во-вторых, приносить необходимый результат, то есть быть эффективным.

В то же время следует признать, что на основе предложенной модели нельзя объективно оценить эффективность оперативного вмешательства в сферу уголовно-правового регулирования в условиях практически ничем не ограниченного усмотрения правоприменителя. Действия последнего сводят на нет любые начинания законодателя в случае наличия у него излишних полномочий, позволяющих вносить существенные коррективы в принимаемые на уровне государства решения. Следовательно, в первую очередь такое вмешательство должно быть направлено на ограничение полномочий лиц, занимающихся отправлением правосудия, что уже само по себе будет способствовать повышению эффективности положений уголовного закона. Только тогда можно вести речь о возникновении самой возможности оценки эффективности новых положений УК РФ.

¹¹ Указ. раб.

¹² Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах РФ. Тюмень, 2005. С. 112–129.

¹⁰ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. 1. М., 2012. С. 886.

Библиография:

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. — М., 2006.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974.
3. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть. Т. 1. — М., 2012.
4. Михаль О.А. Классификация преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1999.
5. Рарог А.И. Некоторые аспекты эффективности уголовно-правовых норм / Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. научн. тр. — Саратов: Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2008.
6. Советский энциклопедический словарь. — М., 1979.
7. Шнитенков А.В. Отягчающие обстоятельства в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 1998.
8. Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах РФ. — Тюмень, 2005.

References (transliteration):

1. Alekseev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Rossiyskaya ugovovnaya politika: preodolenie krizisa. — M., 2006.
2. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. Tret'e izdanie. M., 1974.
3. Luneev V.V. Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii. Obshchaya chast'. T. 1. — M., 2012.
4. Mikhal' O.A. Klassifikatsiya prestupleniy: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 1999.
5. Rarog A.I. Nekotorye aspekty effektivnosti ugovovno-pravovykh norm / Ugovovno-pravovoy zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoy prestupnost'yu: sb. nauchn. tr. — Saratov: Saratovskiy Tsentr po issledovaniyu problem organizovannoy prestupnosti i korrupsii, 2008.
6. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M., 1979.
7. Shnitenkov A.V. Otyagchayushchie obstoyatel'stva v prestupleniyakh protiv gosudarstvennoy vlasti, interesov gosudarstvennoy sluzhby i sluzhby v organakh mestnogo samoupravleniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 1998.
8. Yuzikhanova E.G. Modelirovanie kriminogennykh protsessov v sub'ektakh RF. — Tyumen', 2005.

Материал получен редакцией 28 января 2013 г.